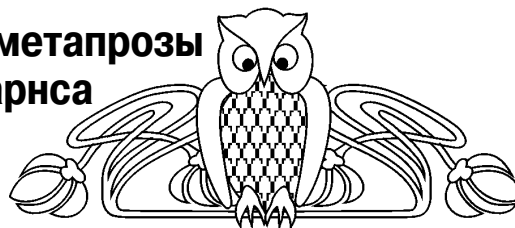

УДК 821.111.09-31+929Барнс

Особенности историографической метапрозы (на материале романа Джулиана Барнса «Артур и Джордж»)

И. Н. Ломакина

Ломакина Ирина Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, irina.lomakina254@gmail.com

Анализируется специфика историографического метаромана Джулиана Барнса «Артур и Джордж». Рассматривается применение автором приёма «двойного кодирования». Обращается внимание на постмодернистскую игру, выражающуюся в сознательном размывании границ между вымыслом и реальностью. Изучается нарративная структура романа, отражающая постмодернистский постулат о множественности точек зрения.

Ключевые слова: историографическая метапроза, Дж. Барнс, травестирирование, двойное кодирование, апория, рефлексия, фактографичность, поймонон, фабуляция.

Поступила в редакцию: 05.02.2020 / Принята: 10.03.2020 / Опубликовано: 31.08.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

The Peculiarities of the Historiographic Metafiction (Based on Julian Barnes's Novel *Arthur & George*)

I. N. Lomakina

Irina N. Lomakina, <http://orcid.org/0000-0002-2951-2144>, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, 4 Prospekt Vernadskogo, Simferopol 295007, Russia, irina.lomakina254@gmail.com

The paper analyses characteristic features of Julian Barnes's historiographic metafiction *Arthur & George*. The author's use of the 'binary coding' method is studied. The postmodern play that is expressed in deliberate blurring of the distinction between fiction and reality is noted. The article studies the narrative structure of the novel which reflects the postmodern postulate of the plurality of viewpoints.

Keywords: historiographic metafiction, J. Barnes, travesty, binary coding, aporia, reflection, factuality, poiumenon, fabulation.

Received: 05.02.2020 / Accepted: 10.03.2020 / Published: 31.08.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-3-321-325>

Постмодернистская философия истории, постулирующая отказ от метанарративов, субъективность исторических знаний, плюрализм трактовок общеизвестных событий и фактов, оказала значительное влияние на художественную литературу и литературную критику современности.

В отечественном литературоведении изучению проблемы интерпретации истории в пост-

модернистском произведении, анализу становления жанра историографического метаромана посвящены исследования Ю. А. Барашковской, М. А. Бахтиной, В. Б. Зусевой-Озкан, Е. В. Колонинской, О. В. Лебедевой, Т. Ф. Мостобай, Ю. С. Райнеке, Е. В. Хохловой и др.

Опираясь на предложенный канадским литературоведом Линдой Хатчен термин «историографическая метапроза» (*historiographic metafiction*)¹, российские учёные развивают собственные концепции постмодернистской литературной историографии, оперируя понятиями «историческое», «нарративная история», «роман с авторскими вторжениями», «метароман» и собственно «историографический метароман».

Подобный терминологический плюрализм, безусловно, нуждается в пояснении и систематизации с целью более глубокого изучения историографической метапрозы.

М. А. Бахтина под «историческим» понимает «особый уровень мировосприятия и философского созерцания, для которого характерны отсутствие претензии на объективность, прерывистость (дисконтинуитет), заведомая субъективность интерпретации»². Очевидно, что данное определение относится, скорее, к постмодернистской философии, нежели к литературоведению. Нарративная история «трактует значение исторического события как возникающее в ходе рассказа о нём и связанное с интерпретациями»³. В качестве примера нарративной истории автор исследования приводит роман Дж. Барнса «История мира в 10 ½ главах», ставший одним из наиболее часто анализируемых примеров историографической метапрозы.

В. Б. Зусева-Озкан полагает, что предтечей метаромана был «роман с авторскими вторжениями»⁴, например «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» М. Сервантеса. В данном произведении автор периодически апеллирует к читателю, сообщая о своих трудностях при написании произведения, частично приоткрывая завесу над будущими сюжетными ходами.

Отличительной чертой метаромана является его рефлексивный характер, т. е. направленность на постижение себя – романа – наряду с изображением мира героев. Нередко автор становится персонажем собственного произведения (Дж. Фаулз в «Женщине французского лейтенанта», Курт Воннегут в «Бойне номер пять»). Сам «механизм» создания художественного текста, обдумывание писателем вариантов развития со-

бытий открываются читателю нередко в ироничном ключе.

Необходимо отметить, что не все метароманы являются романами историографическими, под которыми понимается «саморефлективная художественная проза с богатой интертекстуальностью, для которой характерно ироничное отношение к истории и множественность её интерпретаций, смешение временных слоёв и плюрализм мнений, интерес к маргинальным темам и внимание к частным историям, которым нет места в научных трудах»⁵. Ярким примером историографического метаромана служит «Бегущий пёс» Дона Делилло, где А. Гитлер в бункере пародирует Чарли Чаплина (отсылка к знаменитому фильму «Великий диктатор»).

Несмотря на наличие классификации метароманов, предложенной, в частности, В. Б. Зусевой-Озкан, типология историографической метапрозы, её жанровое своеобразие и особенности интерпретации истории в современных англоязычных художественных произведениях не получили достаточного освещения в отечественном литературоведении.

В творчестве знаменитого современного британского писателя Джулиана Барнса (р. 1946), лауреата Букеровской премии (2011 г.), осмысление исторического наследия играет ключевую роль, выражаясь в рассуждениях о проблеме национальной самоидентификации индивида, субъективности и дискретности исторического знания: «Дж. Барнс травестирует историю, не признаёт объективной истины и выдвигает субъективные истории заведомо недостоверных повествователей, композиционно создавая эффект дисконтинуитета»⁶. О. В. Лебедева полагает, что в творчестве Барнса «обращение к истории как и прошлому тесно связано с тенденцией поиска основы для единения с культурными корнями <...>»⁷.

В исследовании, посвящённом изучению специфики постмодернистской историографии, Е. В. Колодинская пишет: «По Дж. Барнсу, в истории нет ни линейности, ни поступательности. Она никогда не исчерпывается одним вариантом, единичной версией. Линейным может быть лишь частный сюжет, а их множество рождает хаос»⁸. Очевидно, что барнсовская историография тесно связана не только с постмодернистской философией истории, но и с синергетической концепцией, представляющей развитие любой системы в виде перманентного переустройства её компонентов, вызванного как внешним влиянием, так и внутренним кризисом самой системы.

Необходимо отметить тот факт, что наибольший интерес у исследователей творчества Джулиана Барнса вызывают такие романы, как «Попугай Флобера» (*Flaubert's Parrot*, 1984), «История мира в 10 ½ главах» (*A History of the World in 10 ½ Chapters*, 1989), «Англия, Англия» (*England, England*, 1998), «Предчувствие конца» (*The Sense of an Ending*, 2011), «Шум времени»

(*The Noise of Time*, 2016). Данные произведения характеризуются глубокими размышлениями автора о субъективности мышления, ненадёжности памяти, поисках национальной идентичности.

Роман «Артур и Джордж» (*Arthur & George*, 2005), по своей тематике схожий с указанными выше произведениями, не получил должного внимания со стороны учёных и литературных критиков. Исключение составляют исследования Л. Ф. Хабибуллиной⁹ (изучение колониализма и «английскости» в романе) и Е. В. Хохловой¹⁰ (мифемы «рыцарь» и «патриот» названы базовыми компонентами «биографического мифа о Конан Дойле»).

Е. В. Хохлова полагает, что «Артур и Джордж» принадлежит к жанру мокьюментари, представляющему собой «синтез документального и художественного»¹¹, и основывается на пародийности. Однако травестирование истории характерно, скорее, для вышеупомянутого романа Дж. Барнса «История мира в 10 ½ главах», тогда как в «Артуре и Джордже», выбранном в качестве материала данного исследования, авторская интерпретация исторических событий имеет несколько иной характер.

Дж. Барнс предлагает вниманию читателя альтернативную биографию Артура Конан Дойла, в которой жизненный путь писателя изображается параллельно с жизнеописанием Джорджа Эдалджи, жертвы полицейского и судебного произвола. В отличие от классической биографии, в первых главах романа «Артур и Джордж» фамилии героев не указываются, в результате чего создаётся впечатление, что действующие лица не имеют прототипов и являются плодом воображения автора.

Дж. Барнс использует приём «двойного кодирования», благодаря чему текст по-разному воспринимается массовым читателем и знатоком творчества Конан Дойла. В тексте содержатся «ключи», способствующие скорейшей идентификации персонажей: названо имя Джорджа Эдалджи, в оправдании и реабилитации которого немалую роль сыграл Конан Дойл; упоминается профессор Дж. Белл, ставший, по одной из версий, прототипом Шерлока Холмса, и т. д.

Подобно большинству постмодернистских художественных текстов, «Артур и Джордж» представляет собой компиляцию различных жанров. В произведении присутствуют черты романа воспитания (*Bildungsroman*) (взращение Артура и Джорджа), детектива (расследование убийств животных в Грейт-Вирли), биографии (охарактеризованы важные события личной жизни Конан Дойла, его творческого пути) и, собственно, историографической метапрозы. Пересекающиеся судьбы Артура Конан Дойла и Джорджа Эдалджи изображены на фоне панорамного описания викторианской Англии.

Сама композиция романа и название его частей (*Beginnings, Beginning with an Ending,*

Ending with a Beginning, Endings) свидетельствуют об игровой природе текста. В отличие от наиболее часто анализируемых метароманов, где сам автор рассуждает о написании произведения, в «Артуре и Джордже» рефлексированием о сходстве жизни и художественного текста заняты персонажи.

В частности, Джордж Эдалджи, узнав, что его делом заинтересовался Конан Дойл, размышляет: «It made him feel like a victim seeking redress; a solicitor facing the highest tribunal in the country; and a character in the novel»¹² («Это заставило его почувствовать себя жертвой, жаждущей компенсации, юристом, представшим перед верховным судом страны, и персонажем романа») (здесь и далее перевод наш. – И. Л.). Сам же Артур Конан Дойл сравнивает расследование с написанием книги: «It was like starting a book: you had the story but not all of the casual links. You had your beginning, and you had your ending. There would be a great number of topics to be kept in the head at the same time. Some would be in motion, some static <...>» (287) («Это было, словно начинаешь писать книгу: есть сюжет, но не хватает случайных звеньев. Есть начало и есть финал. В голове нужно одновременно держать массу тем. Что-то будет в движении, что-то – статично <...>»). Очевидно, что Дж. Барнс вложил собственные мысли в уста персонажей. Здесь имеет место синтез историографической метапрозы и поймонона (по терминологии Алистера Фаулера), т. е. изображения процесса создания художественного текста.

В романе «Артур и Джордж» границы между реальностью и вымыслом зыбки и подвижны. Артур Конан Дойл воспринимается одновременно и как реально живший человек, и как персонаж книги. В то же время Шерлок Холмс переносится со страниц произведений Конан Дойла в роман Джулиана Барнса: писатель сравнивает автора детективов, ведущего расследование дела Эдалджи, с Шерлоком, а его помощника и секретаря – с доктором Ватсоном; Джордж Эдалджи, отбывающий тюремное заключение, читает «Собаку Баскервиллей». Здесь имеет место не трагестивирование, а фабуляция, постмодернистская игра с читателем, выражающаяся в сознательном «размывании» границ между фактом и вымыслом, жизнью и творчеством.

Дж. Барнс неоднократно заявлял, что «Артур и Джордж» не претендует на роль объективного жизнеописания Конан Дойла. В изображении первых детских воспоминаний автора детективов о Шерлоке Холмсе заметна неуверенность биографа: «A small boy and a corpse: such encounters would not have been so rare in the Edinburgh of his time. <...> The household was Catholic, and the body that of Arthur's grandmother, one Katherine Pack. Perhaps the door had been deliberately left ajar. There might have been a desire to impress upon the child the horror of death <...>»

(6) («Маленький мальчик и труп: в те времена в Эдинбурге подобное встречалось не так уж и редко. <...> Семья была католической, а труп – бабушкой Артура, некой Кэтрин Пэк. Вероятно, дверь приоткрыли намеренно. Возможно, имело место желание оставить у ребёнка неизгладимое воспоминание о страхе смерти»). Джулиан Барнс использует такие фразы, как «встречались не так уж и редко» (*would not have been so rare*), «возможно/вероятно» (*perhaps*), «возможно, имело место...» (*there might have been*). Писатель словно отказывается от роли всезнающего демиурга, призывая читателя самому делать выводы о подлинности тех или иных фактов.

Подобная авторская позиция, как ни странно, создаёт противоположный эффект, сродни античным апориям (парадокс лжеца): чем больше Дж. Барнс отстаивает собственную субъективность, тем меньше верит в неё читатель.

В тексте романа наряду с вымышленными персонажами упоминаются реальные государственные деятели и монаршие особы, представители интеллигенции, с которыми дружил или был знаком А. Конан Дойл: «Arthur had become a face in literary circles. He counted Jerome and Barrie as friends; had met Meredith and Wells. He had dined with Oscar Wilde <...>» (66) («Артур сделал себе имя в литературных кругах. Он считал Джерома и Барри друзьями, был знаком с Мередилом и Уэллсом. Он обедал с Оскаром Уайльдсом»). Проверенные факты из биографии писателя чередуются с завуалированными намёками, например, предположением о близких отношениях матери Артура и их жильца, доктора Брайана Чарльза Уоллера, ставшего одним из прототипов Шерлока Холмса.

Постмодернистский постулат о множественности интерпретаций одного и того же события находит своё выражение в нарративной структуре романа: повествование ведётся от лица Артура, Джорджа, констебля Кэмпбелла, сержанта Энсона. Все нарраторы имеют своё видение загадочных убийств животных в Грейт-Вирли, в совершении которых был обвинён Джордж Эдалджи. Повествователи являются ненадёжными, так как их знания ограничены; в романе преобладает внутренняя фокализация. Использование Дж. Барнсом несобственно-прямой речи создаёт эффект отстранённости.

Для Конан Дойла дело Эдалджи становится синонимом несовершенства и бюрократии английской судебной системы, в которой подсудимый должен доказывать свою невиновность. Выросший в доме священника, Джордж видит в выпавших на его долю испытаниях божий промысел, его точка зрения фаталистична. Кэмпбелл и Энсон считают Дж. Эдалджи хитрым и изворотливым преступником.

Джулиан Барнс срывает маску с лицемерного и ханжеского викторианского общества, начавшего травлю семьи священника из-за его

происхождения: отец Джорджа, преподобный Шапурджи Эдалджи, – парс, представитель этнической группы, некогда исповедующей зороастризм в Индии. Джордж, родившийся в Англии, считает себя полноправным членом британского социума, но сталкивается с ксенофобией окружающих, что и приводит к трагедии.

Большая часть романа посвящена описанию судебного процесса над Дж. Эдалджи. Дж. Барнс предлагает вниманию читателя своеобразный коллаж из газетных статей, в том числе принадлежащих перу Артура Конан Дойла, объявлений, анонимных писем, титульного листа брошюры Дж. Эдалджи, фрагментов подлинной автобиографии Конан Дойла и даже изображения орудия преступления. Отдельные главы похожи на материалы сфабрикованного уголовного дела. Подобные паратекстуальные вкрапления нарушают линейность повествования и в то же время служат средством организации нарративной и композиционной структуры художественного произведения, придавая роману черты документализма.

Сам стиль изложения нередко тяготеет к юридическому дискурсу с его лаконичными формулировками, отсутствием описаний и фактографичностью: «On Monday 17th August 1903, George takes the 7:39 to New Street, as normal; he returns by the 5:25, as normal, reaching the Vicarage shortly before half past six <...> The next morning he is awake at 6, the bedroom door is unlocked at 6:40, and he catches the 7:39 to New Street. He does not realize that these are the last normal twenty-four hours of his life» (112) («В понедельник, 17 августа 1903 г., Джордж, как обычно, садится на поезд до Нью-Стрит, отправляющийся в 7:39. Как обычно, он возвращается поездом в 17:25, добравшись до дома викария около половины седьмого <...> На следующий день он встаёт в 6 утра, дверь спальни открывают в 6:40, и он садится на поезд до Нью-Стрит в 7:39. Он не осознаёт, что это – последние обычные сутки в его жизни»). Лишь последнее пролептическое предложение в приведённой выше цитате отражает авторскую точку зрения и характерно для художественной литературы.

На примере дела Эдалджи Джулиан Барнс демонстрирует субъективность человеческого мышления, зависимость мировоззрения от среды и ближайшего окружения. Финальная часть романа (*Author's Note*) представляет события в Грейт-Вирли в новом свете: автор сообщает, что через четыре года после кончины сэра Артура виновным в убийствах животных признан некий Инок Ноулз, которого не подозревали ни Конан Дойл, ни полицейские. Выясняется, что «блестяще» проведённое Артуром Конан Дойлом расследование, основывающееся на графологических экспертизах и, казалось бы, бесспорных логических выводах, оказалось таким же несостоятельным, как и обвинение Кэмпбелла и Энона.

Таким образом, для историографического метаромана «Артур и Джордж» характерны как свойственные данному жанру черты (множественность интерпретаций, плюрализм мнений, внимание к частным историям), так и присущие конкретно этому произведению особенности: отсутствие пародийности и травестигования, эффект апории, создающий эффект правдоподобия. Приём «двойного кодирования» (использование в тексте «ключей» и подсказок) приводит к разграничению восприятия романа массовым читателем и знатоком творчества и биографии Конан Дойла. Исследуемое произведение сочетает в себе черты романа воспитания, детектива, биографии, историографической метапрозы и поймонона, т. е. описания процесса создания художественного текста. Постмодернистская игра с читателем выражается в фабуляции (сознательном размывании границ между реальностью и вымыслом, жизнью и творчеством). Нарративная структура романа (несколько повествователей) отражает постмодернистский постулат о множественности точек зрения на одно и то же событие. В романе преобладает внутренняя фокализация. Использование автором несобственно-прямой речи создаёт эффект отстранённости. «Артур и Джордж» представляет собой коллаж из газетных вырезок, анонимных писем, фрагментов подлинной биографии Артура Конан Дойла, что способствует созданию упомянутого выше эффекта правдоподобия. Паратекстуальные вкрапления нарушают линейность повествования и в то же время служат средством организации нарративной и композиционной структуры художественного произведения, придавая роману черты документализма.

Примечания

- 1 См.: *Hutcheon L.* Historiographic Metafiction. Parody and the Intertextuality of History // *Intertextuality and Contemporary American Fiction*. Baltimore : Johns Hopkins University Press, 1989. P. 3–32. URL: <http://tspace.library.utoronto.ca> (дата обращения: 27.01.2020).
- 2 *Бахтина М.* Интерпретация исторического в творчестве Дж. Барнса (романы «История мира в 10 с ½ главах», «Англия, Англия», «Предчувствие конца») : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2013. С. 7.
- 3 Там же. С. 9.
- 4 *Зусева-Озкан В.* Роман с авторскими вторжениями : к истокам метаромана // *Новый филол. вестн.* 2012. № 2 (21). С. 54.
- 5 *Мостобай Т.* «Женщина французского лейтенанта» Дж. Фаулза как первый английский историографический метароман // *Вестн. ПГУ. Сер. А. Гуманитарные науки.* 2010. № 1. С. 164.
- 6 *Бахтина М.* Указ. соч. С. 6.
- 7 *Лебедева О.* Образ истории в новеллистике Джулиана Барнса // *Вестн. Новг. гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки.* 2013. № 73. Т. 1. С. 56.

- ⁸ Колодинская Е. Историческое прошлое как предмет высказывания : современная англоязычная проза и постмодернистская историография (Г. Свифт, Дж. Барнс) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. С. 17.
- ⁹ См.: Хабибуллина Л. Постколониальный взгляд на колониальную эпоху : Джулиан Барнс «Артур и Джордж» (Arthur & George) (2005) // Филология и культура. 2017. № 2 (48). С. 207–211.
- ¹⁰ См.: Хохлова Е. Биографический миф о Конан Дойле в романе Джулиана Барнса «Артур и Джордж» // Изв. вузов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2016. № 3 (39). С. 117–126. DOI: 10.21685/2072-3024-2016-3-11
- ¹¹ Хохлова Е. Мокьюментари : синтез документального и художественного (на примере романа Дж. Барнса «Артур и Джордж») // Вестн. ННГУ. 2013. № 6 (2). С. 296–300.
- ¹² Barnes J. Arthur & George. N. Y. : Alfred A. Knopf, 2006. P. 361. Далее текст цитируется по этому изданию с указанием страниц в скобках.

Образец для цитирования:

Ломакина И. Н. Особенности историографической метапрозы (на материале романа Джулиана Барнса «Артур и Джордж») // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 321–325. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-3-321-325>

Cite this article as:

Lomakina I. N. The Peculiarities of the Historiographic Metafiction (Based on Julian Barnes's Novel *Arthur & George*). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 321–325 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-3-321-325>
